

Линь Сюэцэ размышлял об этом, когда спустя мгновение машина остановилась. Он поднял голову — они уже прибыли.

Перед ними раскинулся новый жилой комплекс на окраине города. Здания и инфраструктура были совсем свежими, словно только что сошедшими с архитектурных чертежей, но заселённость оставалась пугающе низкой.

Был разгар дня, а весь квартал утопал в гнетущей, почти мёртвой тишине — будто само пространство затаило дыхание.

У Гуй аккуратно припарковал машину и, сделав несколько шагов вперёд, жестом пригласил Линь Сюэцэ следовать за ним.

У обочины их уже ждала женщина в чёрном платье.

Увидев их, она подняла голову.

Длинные чёрные вьющиеся волосы струились по плечам, чёрное платье с длинными рукавами спадало до самых щиколоток. Лицо скрывали тёмные очки и маска. Она была закутана так плотно, словно боялась не только чужих взглядов, но и самого мира вокруг.

И всё же — ничто не могло скрыть её изящную, утончённую фигуру.

Линь Сюэцэ узнал её с первого взгляда.

Это была Чжун Цинлин — легендарная актриса, давно ушедшая из кинематографа, бывшая «королева экрана».

Чжун Цинлин, заметив, что У Гуй приехал не один, а с юношей, тоже слегка удивилась. Она скользнула взглядом по Линь Сюэцэ и обратилась к У Гую:

— Господин У, это...?

— Я говорил вам, что приведу своего малыша, — спокойно ответил У Гуй. — Его зовут Линь Сюэцэ.

Повернувшись к юноше, он мягко добавил:

— Это госпожа Чжун Цинлин.

Линь Сюэцэ сделал шаг вперёд и вежливо поприветствовал её.

Чжун Цинлин внимательно посмотрела на него — и внутри шевельнулось смутное чувство узнавания. Его лицо казалось знакомым, будто когда-то мелькало в её жизни, но память упрямо молчала.

Они никогда не работали вместе, и ни одной чёткой ассоциации не возникало.

Не желая задерживать паузу, она отвела взгляд от Линь Сюэцэ и вновь обратилась к У Гую:

— Вы говорили, что встречали детей с симптомами, похожими на состояние Чэнь Юаня. Это правда?

У Гуй кивнул.

— Да. Мои две дочери — Хайту и Сяо Чжэньчжу — переживали нечто подобное. Их психическое состояние было нестабильным, иногда эмоции выходили из-под контроля, и тогда вокруг них начинали происходить... сверхъестественные явления.

Он говорил спокойно, но в голосе звучала глубина прожитого.

— Это означало, что они находились в состоянии сильнейшей внутренней тревоги. Когда моя жизнь стабилизировалась, они тоже постепенно пришли в норму. Сейчас они уже спокойно отдыхают, вдали от всего этого...

Слушая их разговор, Линь Сюэцэ наконец всё понял.

Сына Чжун Цинлин звали Чэнь Юань.

А «две дочери» У Гуя — это были Хайту и Сяо Чжэньчжу, девочки из их дома.

С Чэнь Юанем происходило то же, что когда-то происходило с Хайту и Сяо Чжэньчжу в самом начале. Именно поэтому У Гуй заподозрил, что он тоже может быть одним из зверьков из приюта.

Чжун Цинлин, выслушав его, кивнула, но в её глазах мелькнула тревога. После короткой паузы она тихо спросила:

— А... они когда-нибудь пропадали? Исчезали?

— Пропадали? — бровь У Гуя слегка приподнялась.

В его взгляде мелькнуло настороженное внимание, словно этот вопрос затронул что-то куда более глубокое и опасное, чем могло показаться на первый взгляд.

Чжун Цинлин тихо заговорила, и в её голосе уже звучала надломленная усталость:

— После того как у Чэнь Юаня начались эти вот странности, к нему стало невозможно приблизиться. Ни один психолог не мог с ним работать, лечение оказалось невозможным. Его состояние только ухудшалось... Я была в отчаянии. Поэтому увезла его за город — в тихое, безлюдное место, чтобы он мог пожить там какое-то время. По рекомендации друзей я нашла одного даоса — уважаемого, известного наставника. Его звали даочжан Цзинпин. Он сказал, что Чэнь Юань одержим нечистой сущностью... дал мне несколько талисманов, велел сжечь их, смешать пепел с водой и дать выпить сыну...

У Гуй, услышав это, мгновенно стал серьезнее. Его лицо стало жёстким, напряжённым, словно он почувствовал приближение чего-то по-настоящему опасного.

— И что было потом? — глухо спросил он.

Губы Чжун Цинлин дрогнули.

— После того как он выпил эту воду... он исчез.

Я проверила камеры видеонаблюдения — он не выходил из дома. Но я обыскала весь дом, каждую комнату, каждый угол — его нигде не было. Совсем.

Голос её начал срывать.

— Когда именно он выпил эту воду? — спросил У Гуй.

— Два дня назад... — прошептала она, едва сдерживая дрожь. — После исчезновения я сначала поехала к даосу Цзинпину... но он как раз ушёл в уединённое затворничество, его невозможно было найти. Тогда я обратилась в полицию, стала просить помощи...

И вот тут началось самое страшное.

Полицейские не только не нашли моего сына — они даже... вошли не в мой дом.

— Не в ваш дом? — нахмурился У Гуй.

— Они открыли мою дверь. Именно мою. Вошли с улицы, всё было правильно... но внутри...

Внутри всё было другим.

Расположение шкафов, окон, комнат, коридоров — ничего не совпадало.

Дом, который видели полицейские, и мой настоящий дом — это были два совершенно разных пространства. Два разных мира.

Она говорила, и её начинало заметно трясти.

— И так были не с одним-двумя людьми... Все, кто заходил в мой дом, видели один и тот же «другой» дом.

Я пыталась объяснить это полиции, но они подняли документы, записи, планировку — и заявили, что именно тот дом, который они видят, и есть мой настоящий дом.

Что бы я ни говорила, какие бы доводы ни приводила — все доказательства были против меня. У меня не осталось ни единого аргумента.

Её голос перешел почти в шёпот:

— Иногда мне кажется... что, может быть, это я сошла с ума. Что это у меня галлюцинации. Что я сама теряю рассудок...

У Гуй несколько секунд молчал.

Слова Чжун Цинлин и выводы полиции не совпадали.

Либо расследование было ошибочным, либо она действительно переживала психический срыв, либо в этом доме скрывалась тайна куда более глубокая и зловещая, чем казалось на первый взгляд.

— А ты сама... — тихо спросил он. — Ты сейчас можешь войти в свой настоящий дом?

Чжун Цинлин разрыдалась.

— Нет... Я не могу туда попасть. Я не могу найти своего ребёнка. Никто не может его найти. Два дня прошло... и никто не знает, где он. Куда он исчез. Жив ли он вообще.

Я боюсь рассказывать об этом другим... боюсь, что меня признают сумасшедшей и отправят в клинику. Если это случится — я никогда больше не смогу искать его...

Она согнулась, словно под тяжестью собственной боли, и, подняв заплаканные глаза, умоляюще посмотрела на У Гуя:

— Господин У... у ваших детей... было нечто похожее? Они тоже... исчезали?

У Гуй посмотрел на неё с тяжёлым, сложным выражением лица.

Он не ожидал, что за какие-то несколько дней может развернуться настолько страшная, изломанная трагедия — с исчезновением ребёнка, искажением реальности и пугающим ощущением, будто сам мир начал трескаться по швам.

— Я... у моих дочерей никогда не было ничего подобного, — медленно сказал У Гуй. — Но я могу пойти внутрь вместе с Сюэцэ. Мы попробуем. Просто... посмотрим, что там происходит.

Чжун Цинлин, услышав это, тут же начала благодарить его снова и снова.

Они с У Гуем были, по сути, случайными знакомыми — судьба свела их мимолётно, между ними не было ни близости, ни особых отношений, ни долгов. И потому то, что он без колебаний согласился помочь, тронуло её до глубины души.

Исполненная благодарности, она повела их к одному из домов в жилом комплексе.

Чжун Цинлин шла впереди, У Гуй и Линь Сюэцэ — рядом, чуть позади, плечом к плечу.

Лицо У Гуя оставалось напряжённым. Он наклонился к Линь Сюэцэ и тихо, почти шёпотом, сказал:

— Не думал, что всё примет такой оборот... Похоже, дело действительно серьёзное.

Линь Сюэцэ вспомнил слова Чжун Цинлин и тихо спросил:

— Это из-за той воды?

У Гуй кивнул.

— Малыш, ты помнишь, что я рассказывал тебе о мире до твоего прихода? О том, что этим миром правил Царь призраков, и что тогда существовали только призраки — без демонов и духов-яо?

— Помню, — ответил Линь Сюэцэ. — Это был мир теней и призрачных отражений. Он не подходил для культивации яо, и когда меня не стало, вы почти все впали в спячку.

— Верно, — тихо сказал У Гуй. — Где есть тьма — там всегда есть и свет. Где есть призрачные тени — там обязательно появляются и способы им противостоять.

Линь Сюэцэ задумался:

— Ты имеешь в виду... даосов? Талисманы? Ритуалы?

У Гуй тяжело вздохнул.

— Когда тебя не было, у всех нас не хватало энергии, чтобы поддерживать стабильную форму. Мы не могли удерживать равновесие. Когда я только нашёл Хайту и Сяо Чжэньчжу, они тоже были в состоянии полного срыва, неконтролируемые, нестабильные... И лишь со временем всё удалось выровнять.

Он помолчал, затем добавил:

— Я изначально предполагал, что Чэнь Юань — один из нас. Один из яо. Но теперь... даос вмешался, возникла аномалия, всё изменилось. И теперь я уже не уверен — кто он. Яо... или призрак.

Голос У Гуя стал глухим.

Хотя он жил очень долго, по своей природе он был всего лишь черепахой-яо — его боевая сила была весьма посредственной.

А Линь Сюэцэ...

Да, он был Королём яо.

Но сейчас под его началом было всего два существа.

Хайту и Сяо Чжэньчжу даже не умели принимать человеческий облик.

Король без последователей, без поклонения, без энергии веры — почти ничем не отличался от обычного человека.

Если Чэнь Юань — яо, это ещё полбеда.

Но если он призрак...

Тогда всё становится по-настоящему опасным.

Линь Сюэцэ молчал, погружённый в раздумья.

— Будем осторожны, — тихо сказал У Гуй. — Просто зайдём, посмотрим. Если сможем найти его — хорошо. Если нет — сразу же выходим. Без геройства.

Он ждал Линь Сюэцэ пятьсот лет.

Ждал, пока мир снова соберётся в целое.

Ждал, пока вернётся тот, ради кого всё имело смысл.

Новые спутники важны.

Новые существа, новые судьбы — важны.

Но безопасность Линь Сюэцэ была для него абсолютным приоритетом.

Выше всего.

Безусловно.

Слова У Гуя ещё не успели стихнуть, как Чжун Цинлин уже подошла к входной двери. Пройдя через двор, она приложила палец к биометрическому замку.

С тихим, протяжным «скрипом» дверь медленно распахнулась.

Был разгар дня.

Солнце стояло высоко.

Но за порогом — царила крошечная тьма.

С улицы невозможно было разглядеть ни очертаний комнат, ни предметов, ни глубины пространства — лишь густая, вязкая чернота, будто провал без дна.

Словно пасть древнего зверя, затаившегося в ожидании добычи, — тихо, терпеливо, безмолвно раскрытая, готовая проглотить того, кто осмелится войти.

Чжун Цинлин, увидев этот чёрный проём, невольно вздрогнула всем телом — страх был уже не просто эмоцией, а следом глубокой травмы, вевшейся в память и кожу.

Но, заметив, что У Гуй и Линь Сюэцэ собираются войти, она всё же сказала:

— Я пойду с вами.

— Не нужно, — сразу же мягко, но твёрдо отказал У Гуй.

Они были не просто людьми.

Один — Король яо.

Другой — древнее существо.

Присутствие обычного человека только сковывало бы их.

— Госпожа Чжун, — спокойно сказал он, — останьтесь снаружи. Подержите дверь. Если что-то случится — вы хотя бы сможете помочь, позвать на помощь, отреагировать.

— Но...

— Всё нормально, — попытался улыбнуться У Гуй. — Нас двое взрослых мужчин. Справимся.

Чжун Цинлин, видя его решимость, поняла: такие люди всегда действуют по своим законам. И спорить с этим бесполезно.

Она лишь кивнула и осталась у двери, придерживая её рукой, словно это была последняя граница между светом и тьмой.

У Гуй шагнул первым.

Линь Сюэцэ — следом.

Один за другим они вошли внутрь.

На улице был день.

Зима, но солнце уже прогрело воздух, мягкое, тёплое, почти ласковое.

Пока они шли по двору, на коже уже выступила лёгкая испарина — тело согрелось, напиталось светом.

Но стоило им переступить порог — и мир изменился.

Из темноты хлынул ледяной, мертвящий холод, словно дыхание подземелья.

Он ударил мгновенно — резкий, пронизывающий, чуждый.

Температура будто рухнула на десятки градусов за один вдох.

У Гуй, чья истинная форма была черепахой, особенно остро чувствовал перепады температуры. Он непроизвольно вздрогнул, плотнее запахнул на себе толстую куртку и включил фонарик на телефоне, направив луч света вперёд.

Дом был погружён во мрак.

Окна плотно закрыты.

Шторы задёрнуты.

Ни единого лучика света.

День за порогом и ночь внутри — два разных мира, разделённые одной дверью.

Линь Сюэцэ на ощупь нашёл выключатель и нажал на него.

Ничего.

Свет не загорелся.

Только тьма. Тишина. Холод.

И ощущение присутствия чего-то неправильного.

В этом чёрном, ледяном, отрезанном от реальности пространстве

скрывался ребёнок — потерявший контроль, сломанный изнутри, исчезнувший уже два дня назад маленький мальчик.

И дом больше не был просто домом. Он стал ловушкой. Границей миров. Тенью, в которой реальность начинала распадаться.

При таком антураже хоть сейчас можно было снимать фильм ужасов — и зритель поверил бы без малейших сомнений.

Даже у У Гуя внутри пробежал холодок.

Убедившись, что Чжун Цинлин больше не видит их, он без колебаний выпустил часть своей истинной формы.

Перед ним внезапно проявился массивный панцирь.

У обычной черепахи панцирь находится на спине, но У Гуй был древним демоном, прожившим тысячи лет — его тело давно перестало подчиняться обычной анатомии.

Панцирь двигался свободно, словно огромный живой щит, способный в любой момент менять направление и закрывать от удара.

Выставив его вперёд, У Гуй прикрыл собой Линь Сюэцэ.

Только убедившись, что тот в безопасности, он включил фонарик на телефоне и направил луч в темноту.

Проверив пространство впереди и не заметив ничего подозрительного, он начал медленно продвигаться вперёд — шаг за шагом, осторожно, будто по тонкому льду.

Дом Чжун Цинлин был просторным — около двухсот квадратных метров.

Планировка — ровная, логичная, аккуратная.

Менее чем за полчаса они обошли весь дом по кругу. И всё подтвердилось. Никаких следов мальчика.

Ни присутствия.

Ни дыхания.

Ни энергии.

Ничего.

У Гуй повернулся к Линь Сюэцэ:

— Малыш... ты что-нибудь заметил?

Линь Сюэцэ внимательно оглядел всё пространство и задумчиво произнёс:

— Чжун Цинлин говорила, что это дом для отдыха. Они почти в нём не живут. Планировка простая, всего четыре комнаты. Но мы только что прошли весь дом... и насчитали как минимум

шесть или семь комнат.

У Гуй медленно кивнул.

— Значит, как и все остальные... мы тоже не вошли в её настоящий дом.

— Думаешь, кто-то из наших из приюта уже способен исказить пространство? — тихо спросил Линь Сюэцэ.

— Нет, — сразу ответил У Гуй. — Пока тебя не было, им даже принять человеческий облик было трудно. О таких уровнях силы не может быть и речи.

Линь Сюэцэ задумался:

— Тогда выходит, что мы всё-таки находимся в настоящем доме Чжун Цинлин... А всё, что мы видим сейчас — это иллюзия. Принцип тот же, что и у «призрачного лабиринта» — когда человек ходит по кругу и не может выйти.

У Гуй помрачнел.

— Да...

Линь Сюэцэ произнёс медленно, словно проговаривая мысль вслух:

— «Призрачная петля» создаётся, чтобы не выпускать человека наружу. Но если Чэнь Юань превратил этот дом в такое пространство... то с какой целью?

У Гуй, всё это время внутренне сосредоточенный на безопасности Линь Сюэцэ, не мог полностью уйти в анализ ситуации.

Но он был не только демоном. Он был бизнесменом, стратегом, человеком, прошедшим десятки кризисов и катастроф. И потому понял мгновенно.

— Чтобы скрыть, — тихо сказал он.

Слова ещё не успели рассеяться в воздухе, как оба одновременно повернули головы — к той самой лишней стене, к тому самому лишнему участку пространства, к чуждому элементу в архитектуре дома.

Туда, где реальность давала сбой. Туда, где что-то было спрятано.

Под прикрытием панциря У Гуя они подошли к одной из стен. Он первым протянул руку вперёд.

И его пальцы... прошли сквозь неё. Без сопротивления. Без преграды. Без ощущения твёрдой поверхности — стена была иллюзией.

И в тот же миг произошло нечто ещё более жуткое.

«Проткнутая» поверхность вдруг дрогнула, словно гладь воды, в которую бросили камень.

По стене пошли волны, и она начала медленно «течь» в сторону, как жидкость, меняя форму.

Через несколько секунд перед ними уже вырисовались огромные чёрные силуэты — человеческие тени, собранные из тьмы.

— Малыш, осторожно! — У Гуй вздрогнул и инстинктивно прикрыл Линь Сюэцэ собой.

Но Линь Сюэцэ, словно не услышав, поднял голову и внимательно всмотрелся в тени.

Они висели в воздухе, зловещие, мрачные, пугающие на первый взгляд. Но если присмотреться — становилось ясно: они не были живыми существами.

Они были похожи на проекцию. На тени. На чёрные «силуэты-воспоминания», отпечатанные на стене, как на экране.

— У Гуй, — тихо сказал Линь Сюэцэ, — посмотри... что делают эти тени?

У Гуй всё это время был сосредоточен только на безопасности Линь Сюэцэ.

Появление чёрных силуэтов напугало его до дрожи — он боялся любой угрозы, любого движения, любой аномалии.

Но, услышав его слова, всё же поднял взгляд.

И увидел.

Фигуры были разными по форме. Одна — мужская. Другая — женская.

Мужчина — высокий, массивный, грубый. Он поднимал руки... и бил женщину по лицу. Хлётко. Яростно. Без жалости.

То хватал её за горло, то снова бил, то снова душил.

У теней не было лиц, но по силуэту У Гуй узнал её мгновенно.

— Это... — его голос сорвался. — Это Чжун Цинлин.

Женская тень была именно её.

— Это... Чжун Цинлин и её муж?.. — выдохнул он, не веря глазам.

И всё это время рядом стояла ещё одна тень. Маленькая. Хрупкая. Детская.

Она не вмешивалась. Не кричала. Не двигалась. Просто смотрела.

— Это Чэнь Юань? — напряжённо спросил У Гуй.

И в ту же секунду маленькая тень резко развернулась и побежала.

Мгновенно. Рывком. Растворяясь в темноте.

— Он живой! — одновременно поняли оба.

Две взрослые тени могли быть иллюзией. Проекцией памяти. Отпечатком травмы.

Но маленькая тень...

Она двигалась иначе. Она была реальной. Это был Чэнь Юань.

Не раздумывая ни секунды, Линь Сюэцэ и У Гуй бросились за ним, мгновенно разделившись, перекрывая пути отхода.

Чэнь Юань был маленьким, но невероятно быстрым. Гибким. Ловким. Он метался, ускользал, прятался, исчезал за углами, проскальзывал в узких проходах.

Но дом был ограниченным пространством. Около двухсот квадратных метров. Лабиринт — да. Но не бесконечный.

Когда его уже заметили — спрятаться окончательно стало невозможно.

В итоге они загнали его в тупик.

В тёмный угол. Глухое место. Без выхода.

Вокруг — мрак. Но у обоих в руках были телефоны. Два луча света одновременно озарили пространство.

И Линь Сюэцэ наконец увидел Чэнь Юаня.

Он был... получеловеком-полуяо.

Ребёнок ростом около метра. С чёткими, красивыми чертами лица. Белоснежной кожей. Чёрными слегка вьющимися волосами.

Он выглядел, как фарфоровая кукла. Идеально красивый. Тонкий. Хрупкий. Нереально прекрасный.

Он унаследовал красоту Чжун Цинлин — и даже превзошёл её.

Это был самый красивый ребёнок, которого Линь Сюэцэ видел в своей жизни.

Но...

Над его головой торчало одно белое кроличье ушко. Руки и ноги приняли форму звериных лап. Полулюдская. Полузвериная форма.

Истинный облик.

Пойманный светом, разоблачённый, увидев, что они смотрят на него таким, какой он есть на самом деле. Чэнь Юань весь напрягся.

Тело — как натянутая струна. Взгляд — острый, дикий, враждебный.

Он смотрел на них, как загнанный зверёк.

Его глаза метались между красным и чёрным, цвет менялся рывками, рывками дыхание,

рывками энергия. Это было состояние на грани срыва.

На грани атаки. На грани взрыва.

Он был готов броситься.

Готов защищаться.

Готов убивать, если потребуется.

Маленький, сломанный, напуганный, но смертельно опасный.

<http://bllate.org/book/14966/1332001>